

DOI: 10.31857/S241377150008614-8

В.Я. Брюсов – читатель П.А. Вяземского

© 2020 г. Н.Л. Васильев

Доктор филологических наук,
профессор Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Россия, 430005, Саранск, ул. Большевистская, д. 68
nikolai_vasiliev@mail.ru

© 2020 Д.Н. Жаткин

Доктор филологических наук,
профессор Пензенского государственного технологического университета,
Россия, 440039, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а / 11
ivb40@yandex.ru

*Дата поступления материала в редакцию 16 ноября 2019 г.
Дата публикации: 29 февраля 2020 г.*

Резюме. В статье обобщаются следы внимания В.Я. Брюсова (1873–1924) к творчеству П.А. Вяземского (1792–1878), прослеживаемые в критике, литературоведческих трудах, письмах и поэзии Брюсова, в воспоминаниях о нем; анализируются пометы Брюсова в собраниях сочинений предшественника, имевшихся в его библиотеке. Интерес Брюсова к произведениям Вяземского наблюдается с 1890-х гг. Во многом он стимулировался позже тесным общением писателя с издателем журнала “Русский архив” П.И. Бартеневым (1829–1912), помощником которого Брюсов являлся в начале 1900-х гг. О Вяземском Брюсов упоминает по разным поводам в ряде своих статей (с 1898 по 1924 г.), письмах к П.И. Бартеневу, Н.О. Лернеру, А.А. Шестеркиной; о его внимании к произведениям Вяземского свидетельствовали, в частности, И.Н. Розанов, слушатель его лекций В.В. Фефер. Стихи Вяземского брались Брюсовым в качестве эпиграфов к поэтическим циклам в 1909–1916 гг., упоминались в лирике. В библиотеке Брюсова были основные издания произведений Вяземского (1862, 1878–1896), с которыми он неоднократно работал, оставляя многочисленные карандашные пометы в них, существо и типология которых детально описаны в статье (они касаются текстологии, поэтики, рифм, отбора переводов Вяземского с французского языка и других вопросов). Можно сделать вывод, что Брюсов отчетливо воспринимал Вяземского как одного из ближайших предшественников А.С. Пушкина и что поэтическая культура “золотого века” во многом подпитывала поэта-символиста.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, П.И. Бартнев, рецепция классики в поэзии символистов.

Для цитирования: Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. В.Я. Брюсов – читатель П.А. Вяземского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 1. С. 68–81. DOI: 10.31857/S241377150008614-8

Valery Bryusov as a Reader of Pyotr Vyazemsky

© 2020 Nikolay L. Vasilyev

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Ogarev National Research Mordovia State University,
68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia
nikolai_vasiliev@mail.ru

© 2020 Dmitry N. Zhatkin

Doct. Sci. (Philol.),
 Professor of the Penza State Technological University,
 1a / 11 Baydukov Pass. / Gagarin Str., Penza, 440039, Russia
 ivb40@yandex.ru

Abstract. The article summarizes the signs of attention of V. Ya. Bryusov (1873–1924) to the work of P.A. Vyazemsky (1792–1878) found out in works on criticism, literature study, letters and poetry of Bryusov, in memoirs; it analyzes Bryusov's notes in the collected works of his predecessor, which were available in his library. Bryusov's interest in Vyazemsky's works is observed from the 1890s. In many respects it was stimulated later by the writer's close communication with the publisher of the journal "Russky Arkhiv" (i.e., The Russian Archive) P.I. Bartenev (1829–1912), whose assistant Bryusov was in the early 1900s. Bryusov mentions Vyazemsky on various occasions in a number of his articles (from 1898 to 1924) and letters to P.I. Bartenev, N.O. Lerner, A.A. Shesterkina; his attention to the works of Vyazemsky was testified, in particular, by I.N. Rozanov, a listener of his lectures V.V. Fefer. Bryusov used Vyazemsky's poems as epigraphs to his poetic cycles in 1909–1916, mentioned them in his lyrics. In Bryusov's library there were the main editions of Vyazemsky's works (1862, 1878–1896), he repeatedly used them, leaving numerous pencil notes in them, the essence and typology of which are described in detail in the article (they refer to textual study, poetics, rhymes, selection of Vyazemsky's translations from French and other issues). It can be concluded that Bryusov clearly perceived Vyazemsky as one of the closest predecessors of A.S. Pushkin and that the poetic culture of the "Golden age" "fueled" the symbolist poet in many aspects.

Keywords: V.Ya. Bryusov, P.A. Vyazemsky, A.S. Pushkin, P.I. Bartenev, reception of classics in symbolists' poetry.

For citation: Vasilev, N.L., Zhatkin, D.N. *V. Ya. Bryusov – chitatel P.A. Vyazemskogo* [Valery Bryusov as a Reader of Pyotr Vyazemsky]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No 1, pp. 68–81 (In Russ.)
DOI: 10.31857/S241377150008614-8

“И накопляются стихи, и книги, и города.
 Нам уже немислимо перечитать даже всех поэтов”

(В.Я. Брюсов – А.А. Шестеркиной.
 19 июня 1900 г. [1, с. 624])

В.Я. Брюсов (1873–1924), бесспорно, был зна-током отечественной поэзии. Уже во второй половине 1890-х гг. он готовил исследование “История русской лирики” [2, с. 333]; ему принадлежат и труды по пушкинистике, стиховедению (см., напр.: [3]; [4]; [5]). Отсюда его неслучайный интерес к поэтическим фигурам прошлого, включая весьма далекого от символизма П.А. Вяземского, – отчасти вследствие тесных контактов Брюсова с П.И. Бар-теневым, ближайшим сотрудником которого по “Русскому архиву” он являлся в 1900–1903 гг. [6]; [7, с. 178]; [8, с. 9–108]. Так, в марте 1899 г. Брюсов записал в дневнике: “Был еще у Бартенева. О, живой архив! Мертвецы для нас – Аксаков, Хомяков, **Вяземский**¹, Тютчев – это всё для него знакомые, приятели, или, по крайней мере, современники. Если бы записывать все, что он говорит, – были бы богатейшие материалы” [9, с. 78].

В наши задачи входит проанализировать сле-ды внимания Брюсова к творчеству Вяземско-го, в частности его пометы в собраниях сочи-нений предшественника, имевшихся в брюсовской библиотеке².

1. Знакомство Брюсова с поэзией Вяземского состоялось не позже периода учебы в гимназии Л.И. Поливанова (1890–1893 гг.), где ему было предложено во время одного из учебных испыта-ний сочинение по мотивам стихотворения умер-шего поэта “Самовар (Семейству П.Я. Убри)” [11, т. 4, с. 25–228], о чем сам Брюсов вспоминал так: «Но после этого мне захотелось воли. Зада-но было сочинение на **эпиграф из кн. Вяземского:** “В нас ум космополит, а сердце домосед”. Я дал волю своей фантазии и скачкам своей мысли. По-ливанов зачеркнул все окончание статьи, поставил мне 2- и написал: “Писать следует приличным сло-гом рассуждений без выходов во вкусе малой прес-сы”» [7, с. 57].

В статье “Мировоззрения Баратынского” (1898) – из сборника литературоведческих эссе “Дале-кие и близкие” – Брюсов, говоря об итоговой

¹ Здесь и далее полужирные выделения наши (Н.В., Д.Ж.).

² См. о ней и типичных маргиналиях писателя на страницах чужих книг: [10].

лирической книге поэта “Сумерки”, отметил в примечании, что она открывалась посланием “К князю Петру Андреевичу Вяземскому” (1836), но без явной адресации в заглавии: “Он посвящает **друзьям** эту свою книжку” — с прим. «В “Сумерках” не означено, чтобы оно [послание] относилось именно к кн. **Вяземскому**» [12, т. 6, с. 39]; см. также: [13].

В письме П.И. Бартенева в конце мая — начале июня 1900 г. из Ревеля Брюсов возвращается к одной из излюбленных с его работодателем тем, воспроизведя архитектуру стихотворения Вяземского “Поручение в Ревель. (Н.Н. Карамзину)”³, но допустив одну лексико-метрическую неточность: “Прежде всего большое-большое спасибо Вам за совет ехать сюда. Ревель очень хорош, старинные дома, готические входы, как у церквей — прелесть! Олай, конечно, лучше всего. Если немножко и грубо, зато отменно верно выражение кн. Вяземского

Как Олай
Заторчит перед⁴ тобой...

Куда не пойдешь, он всюду. Хороши еще старые стены и башни...” [8, с. 38].

Описывая редакционный кабинет П.И. Бартенева, где Брюсов дневал и ночевал, будучи секретарем журнала “Русский архив”, он сообщает А.А. Шестеркиной 31 мая 1901 г.: “Быют часы. Шесть. Я один, с русалками. Слева портрет Александра III. <...> Прямо передо мной Мадонна Рафаэля, фотография, большая; справа мальчик Мурильо, громадная копия, сделанная рукой поэта Жуковского; затем портреты — А.О. Смирнова, Плетнев, **кн. Вяземский**, Николай I, Филарет... На моем столе хаос: автографы Аксаковых, старые газеты, пыльные бумажки, старые перья, редчайшая книжка Ростопчина (изданная в 8 экземплярах — том в 800 стр.) и мои черновые рукописи. Тишина. Во всем доме никого. Только у ворот стучат маляры” [1, с. 631–632].

В письме к Н.О. Лернеру, датированном публикатором “не ранее 24 сентября 1901”, Брюсов говорит о выполнении просьбы своего деятельного корреспондента-пушкиниста, связанной с разбором *Остафьевского архива кн. Вяземских*: “Уважаемый и дорогой мне Николай Осипович! Простите промедление и особенно небрежность письма: сам очень, очень занят. Выписано все, что относится к Пушкину в указанных Вами местах. Что пропущено (в 2 местах), решительно его не касается”

[8, с. 180]. В более позднем письме к Н.О. Лернеру (“не ранее 18 ноября 1901”) Брюсов пишет об “Остафьевском архиве” как источнике его дополнений к будущим изданиям сочинений Пушкина: «У меня уже есть в руках: 1) список всего Пушкинского и о Пушкине из 3 исторических журналов с 1887 г.: “[Русского] Архива”, “[Русской] Старины” и “Ист[орического] Вестника”. 2а) <sic!> Все дополнения из Берлинского 1861 г. издания. 3) Все дополнения из книг Майкова, Грота и Якушкина. 4) “**Остафьевский Архив**” (см.: [14] — *Н.В., Д.Ж.*). 5) “Гавририада”. 6) Кое-какие (впрочем, случайные) дополнения из других журн[алов], напр[имер], из “Русс[кой] Мысли”, “Русс[ких] Ведом[остей]” и “Русс[кого] Богатства”» [8, с. 196]. 19 августа 1902 г. Н.О. Лернер из Кишинева просит Брюсова купить ему книгу «Письма Пушкина, Дельвига, Баратынского и Плетнева к **Вяземскому**. 1824—1843. М., 1902. 63 стран. (Отд[ельный] оттиск из 5 кн. “*Старины и Новизны*”»), добавляя: “Вы, конечно, уже включили *письма Пушкина* (их в этой книжечке 8) в мою хронол[огическую] работу? (см.: [15] — *Н.В., Д.Ж.*) Если нет, то не замедлите сделать это. Книжечка мне необходима, и присылкой ее Вы меня весьма обяжете” [8, с. 220]. 22 августа он напоминает Брюсову об этом, фокусируя внимание на переписке Пушкина с Вяземским: “Жду от Вас *присылки*: 1) Писем П[ушки]на и друг[их] к кн. **П.А. Вяземс[кому]** — (о чем я писал в прошлом письме) <...>” [8, с. 221]. 9 сентября 1902 г. благодарит за помощь: «Спасибо за книги и за письмо, которое я получил, за хлопоты о моей книге. Пополняйте ее, пополняйте. Внесите в нее *непрерывно* из V кн. “Стар[ины] и Новизны” как 8 писем Пушкина к **Вяземскому**, так и все числа, относящиеся до “Гавририады”, о коей я на днях снова напишу кое-что (т.к. первая моя статья о ней была напечатана до появления в свет V кн. “Ст[арины] и Н[овизны]”)» [8, с. 221]; см. также: [16]. Эта просьба повторяется и в письме от 5 октября 1902 г.: «Вставили ли Вы те данные, относящиеся до “Гавририады”, и 8 писем П[ушкина] к **кн. П.А. Вяземскому**, о которых я Вам писал (из V кн. “Стар[ины] и Новизны”)?» [8, с. 223].

В 1903 г. Брюсов написал заметку [18], где обратил внимание современников на ошибочное приписывание Тютчеву строк Вяземского: «Во всех изданиях стихотворений Ф.И. Тютчева печатают под заглавием “Венеция” стихи “По зеркалу зыбкого дола”... В последнем, наиболее полном издании сочинений Тютчева (СПб., 1900 г.) они отнесены к 1853 году. Между тем эти стихи составляют лишь четыре заключительные строфы большого стихотворения князя П.А. Вяземского “Ночь в Венеции”, которое вошло в сборник “В дороге и дома”

³ Подробнее об этом стихотворении см. ниже.

⁴ В исходном тексте: “пред”.

(Москва, 1862 г.). Сборник этот был издан известным библиографом М. Н. Лонгиновым еще при жизни князя под его личным наблюдением, так что о принадлежности стихов князю Вяземскому не может быть сомнения. В библиографических примечаниях, приложенных к сборнику “В дороге и дома”, сказано, что “Ночь в Венеции” написана в 1853 году, напечатана в разных журналах и потом в книжке “За границей» (см.: [18]). Эта информация, конечно, явилась следствием внимательного ознакомления Брюсова с поэтическим наследием крупнейших поэтов XIX в.

В 1908 г. в записной книжке, озаглавленной “Intentions 1908–1909”, Брюсов обозначил как приоритетный замысел статьи “2. О кн. Вяземском” [19, с. 459–460].

В статье о “Гаврииаде” Пушкина, над которой Брюсов работал с 1903 г.⁵, он не раз упоминает о Вяземском в связи с письмами к последнему Пушкина: «Раньше, в 1824 г., Пушкин высказал ту же мысль в письме к кн. Вяземскому (8 марта): “Я пишу для себя, а печатаю для денег”...»; «Известно, что даже “Евгения Онегина” Пушкин начал без надежды увидеть его в печати, и тогда писал кн. Вяземскому: “О печати и думать нечего”...»; «Заметим еще, что Пушкин во время хода этого дела, 1 сентября, писал в частном письме кн. П.А. Вяземскому: “Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что поеду далее... Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гаврииада...”»; «Есть известие, что у кн. Вяземского была полная рукопись “Гаврииады”, писанная Пушкиным, но сохранилась ли она, неизвестно»; «В этих набросках⁶ еще трудно уловить общий остов слагавшегося стихотворения, но основная мысль его совершенно ясна: это обращение *envoi*⁷, к кому-то (кн. Вяземскому? Н.С. Алексею?) при посылке “Гаврииады”»; «Кн. П.А. Вяземский, 10 декабря 1822 года, посылая А.И. Тургеневу

значительный отрывок из “Гаврииады”, писал про нее вполне определенно, как про поэму Пушкина...»; «Опасаясь обычной в те дни перлюстрации писем, Пушкин не решился выразиться определеннее, но кн. Вяземский понял его и писал ему в ответ: “Сердечно жалею о твоих хлопотах по поводу “Гаврииады”, но надеюсь, что последствий худых не будет”»; «В декабре 1822 г. “Гаврииада” была уже в руках кн. Вяземского. Таким образом, “Гаврииада” была создана с половины 1821 по конец 1822 г.»; “...надо будет признать, что Пушкин сам сообщил свою поэму по меньшей мере двум лицам: кн. Вяземскому и А. Бестужеву”; «В позднейшие годы жизни Пушкин (так рассказывает кн. Вяземский) не терпел даже упоминания о “Гаврииаде” в своем присутствии» [12, т. 7, с. 19, 22, 23, 26–28, 30].

В статье “Медный Всадник” (1909) Брюсов, выявляя реминисцентный фон произведения, комментирует: «Перед началом описания Петербурга Пушкин сам делает примечание: “См. стихи кн. Вяземского к графине З–ой”. В этом стихотворении кн. Вяземского (“Разговор 7 апреля 1832 года”) (см.: [11, т. 4, с. 147–148] – *Н.В., Д.Ж.*), действительно, находим несколько строк, напоминающих описание Пушкина: “Я Петербург люблю с его красотою стройной, / С блестящим поясом роскошных островов, / С прозрачной ночью – дня сопернице безнойной, / И с свежей зеленью молодых его садов...” и т.д.» [12, т. 7, с. 52]; «В первоначальных вариантах описания [наводнения] воспроизвел Пушкин в стихах и ходивший по городу анекдот о гр. В.В. Толстом, позднее рассказанный кн. П.А. Вяземским» [12, т. 7, с. 55]. Ср. также следующее замечание о судьбе “петербургской повести”: «Однако до конца Пушкин своих поправок не довел и предпочел отказаться от печатания повести. “Поэма Пушкина о наводнении превосходна, но исчеркана (т.е. исчеркана цензурой), и потому не печатается”, – писал кн. П. Вяземский А.И. Тургеневу» [12, т. 7, с. 60–61].

В статье “Стихотворная техника Пушкина” (1914) Брюсов, рассуждая о пушкинском метрическом репертуаре, в частности “александрійском стихе”, упоминает о лирических обращениях классика к Вяземскому: «Около 30 стихотворений написано александрійским стихом. Среди них есть опять немало “торжественных” посланий (“Чаадаеву”, “К Овидию”, два послания цензору, князю П.А. Вяземскому, брату и мн. др.)...»; «6-стопным ямбом с вольным чередованием рифм написано лишь несколько мелочей и набросков (“К портрету Вяземского”, “Умолкну скоро я”, “Красавица перед зеркалом” и др.)» [12, т. 7, с. 67].

⁵ “Что моя статья о Гаврииаде?” (В.Я. Брюсов – П.И. Бартенеу. 4 июня 1903 г.) [8, с. 85]. Это исследование отчасти было вызвано публикацией письма Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1828 г., где первый сетует на ведущееся расследование авторства поэмы и в полусушительной форме предлагает своему другу распространять слух о причастности к ней иного лица: “Мне навязалась на шею преглупая шутка. До Правительства дошла наконец Гаврииада; приписывают ее мне; и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если *** не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами” [см.: 20, с. 17].

⁶ “Прими в залог воспоминанья / Мои заветные стихи...” (“Муза”, 1821 – черновой автограф) [см.: 21, т. 2, кн. 2, с. 634–635].

⁷ *Envoi* – “термин средневековой французской поэтики... метрическое повторение заключительной части последней строфы песни, обычно содержащее ее посвящение” [22].

С 1900-х гг. Брюсов серьезно интересовался перепишкой окружения Пушкина. Вряд ли случайно он обратил внимание на высказывание Вяземского в ответном письме В.А. Жуковскому 25 апреля 1818 г. о послании Пушкина «К Ж<уковскому>». По прочтении изданных им книжек «Для немногих»⁸: «Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши. В дыму столетий! Это выражение горю. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом, не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего!» [24, с. 27–28]⁹ – отзвук чего содержится в брюсовской статье «Погоня за образами» (1922): «Поэт должен вернуть слову его первоначальное эмоциональное значение. Отсюда – стремление поэтов искать новых сочетаний слов, новых образов, новых метафор... Современники Пушкина изумились смелости его выражения: **“в дыму столетий”**» [12, т. 6, с. 533]¹⁰.

В статье «О рифме» (1924) Брюсов, рецензируя монографию В.М. Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (1923), проиллюстрировал цитатой из стихотворения Вяземского «Поручение в Ревель» некоторые свои теоретические наблюдения над стихом: «Рифмы диастолические в особую группу не выделены; нет о них речи и там, где говорится о рифме с эвфонической точки зрения (пример у кн. Вяземского: “Поклонись ты ему – изувеченному”)» [12, т. 6, с. 553].

В статье «Пушкин-мастер» (1924) Брюсов называет Вяземского в числе ближайших учителей классика: «Не отымая значения у предшественников Пушкина, учитывая все, что он взял не только у Батюшкова, Жуковского, Вяземского, но и у поэтов XVIII века, особенно у Державина, – надо признать, что по всем направлениям Пушкину приходилось прокладывать дороги, как пионеру¹¹ в девственном лесу. <...> Пушкин преобразил язык, пересоздавал стих, творил лирику (как ее поняли романтики), в основании обновлял драму

(идушую от Шекспира), вырабатывал прозу (не карамзинскую), впервые давал русскую повесть, русский роман, русскую новеллу, как мы их понимаем теперь» [12, т. 7, с. 165]; «Но помимо того, Пушкин, с такой же успешностью, воплощал в одном себе целые литературные школы», «В ранних опытах Пушкина мы находим существенные черты псевдоклассицизма... Рядом стоят у Пушкина другие литературные течения XVIII века...», «За этим следует движение русских новаторов, предшественников романтизма (“Арзамас”). Известно, что Пушкин заплатил ему самую щедрую дань. Он писал в духе Жуковского, Батюшкова, Вяземского – **характернее, чем они сами...**» [12, т. 7, с. 175–176].

2. Внимание к Вяземскому подтверждается и современниками Брюсова. И.Н. Розанов вспоминал: «21 февраля 1914 года у меня в дневнике подробная запись о посещении Брюсова. <...> Кстати принес ему свою только что вышедшую книгу “Русская лирика” (см.: [27] – Н.В., Д.Ж.), первая мысль о которой возникла у меня под влиянием беседы с Брюсовым в ту давнюю февральскую морозную ночь»; «Начал писать, когда отчаялся дождаться его работы»¹². Он с интересом стал просматривать оглавление моей книги. После каждой фамилии он останавливался и высказывал свое отношение. Иногда тут же цитировал их стихи. <...> Потом за чайным столом мы еще долго говорили о разных поэтах. Валерий Яковлевич очень бранил Теплякова, на стихотворения которого Пушкин написал сочувственную рецензию, очень хвалил Вяземского, а из совсем забытых хвалил поэта 30-х годов Трилунного» [28, с. 762–763, 768–769]¹³.

Не исключено, что Брюсов обратил внимание на творчество поэта, критика, композитора Д.Ю. Струйского (1806–1856) (см. о нем,

⁸ В первой редакции стихотворения см.: [23, т. 2, кн. 1, с. 24].

⁹ О преемственности пушкинского образа с ломоносовским («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке») см.: [25, с. 59].

¹⁰ Ср. ошибочное указание в этом издании на письмо Вяземского не к Жуковскому, а к А.И. Тургеневу [12, т. 6, с. 642 – прим.].

¹¹ В арх. знач. “2. Человек, впервые проникнувший в новую, неисследованную страну с девственной природой, приспособивший ее для культурной жизни и поселяющийся в ней (первонач. о переселенцах в Северную Америку)” [26, т. 3, стб. 261–262].

¹² «Розанов рассказал, что именно Брюсов первый вызвал у него мысль о работе над историей русской лирики: “На обложке одной из книжек Брюсова было перечислено, что им опубликовано и что предполагается издать. Между прочим было помечено: “История русской лирики – готовится”. Это объявление меня очень заинтересовало. Прошло несколько лет, но предполагаемая книга не появилась. Я как-то спросил у Валерия Яковлевича, когда он приступит к этой работе. Он ответил, что уже оставил эту мысль, занят другим. В то время стала выходить “Русская поэзия” С. Венгеровой. Вместо обещанных четырех томов вышел всего один. Не дожидаясь окончания венгеровской работы и видя, что Брюсов уже оставил свое намерение, я решил заняться русской поэзией от Пушкина до наших дней. В процессе работы мои интересы расширились и пошли вглубь...” (цит. по стенограмме, хранящейся в архиве Розанова)» [28, с. 760].

¹³ В упомянутой книге И.Н. Розанова фамилия Д.Ю. Струйского (Трилунного) не фигурирует. Позже он определенно учел отзыв Брюсова о поэзии забытого автора, проанализировав его комедию-водевиль “Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание” [29, с. 1031, 1042].

в частности: [30]; [31]) благодаря позднему мемуару Вяземского (1875 г. – “Приписка” к его рецензии на “Аннибал на развалинах Карфагена. Драматическая поэма. Сочинение Д. Струйского <...> СПб., 1827 <...>”) о встрече с Д. Ю. Струйским в 1834 г. во Флоренции, где тот сочувственно упомянул о внуке давно интересовавшего его Н.Е. Струйского (1749–1796) (см.: [32, с. 150–151]): “Этот второй Струйский африканский, в отличие от первого Струйского рузаевского, может быть, тот же Струйский, который после, под псевдонимом *Трилуного*, печатал очень порядочные, а иногда и хорошие стихи в разных повременных изданиях. Если так, то винюсь перед ним или перед тенью его, если он уже в полях елисейских, что в былое, молодое время отозвался я о нем не совсем благоприятно и несколько насмешливо. Дело журнальное. <...> В русской хрестоматии *для всех*, пишущих и читающих, Трилуный имеет свое законное место, и не в числе самых последних. Сужу, по крайней мере, так по темным впечатлениям, которые сохранились во мне от давнего прочтения некоторых из стихотворений его. Но вот воспоминание о самом Трилуном, которое крепко врезалось в меня. В 1834 году гулял я во Флоренции по саду, который прозывается *Boboli*. Сад был совершенно пустынный. Вдруг в одной аллее кажется мне, что идет навстречу кто-то в форменном русском служебном фраке. Это перенесло меня в петербургский Летний сад... Это был молодой Трилуный, то есть Струйский. <...> Везде, где он ни был, осмотрел он все, что достойно внимания, по возможности со всем и со многими ознакомился. В Риме, где я после опять с ним виделся, был он дружелюбно встречен русскими художниками... Одним словом, если не оставил он по себе поэмы, которая передаст имя его уважению грядущих поколений, то он из жизни своей извлек для себя, по возможности, много поэзии. <...> Прошло уже сорок лет, а я и ныне мысленно смотрю с уважением и особенным сочувствием на этот мундирный фрак, встреченный мною в саду Боболи” (см.: [11, т. 2, с. 57–58]; [33, с. 89–90, 400–401 (прим.)]).

В.В. Фефер (1901–1971), ученик Брюсова в Профессионально-технической школе поэтики (1921–1922) и позже в Высшем литературно-художественном институте, вспоминал о первом знакомстве с мэтром: “Ограничив свой курс литературы русской поэзией, Брюсов дал законченный компактный очерк литературы 18-го века, объяснил архаизмы и славянизмы Державина, цитируя на память отрывки его стихотворений, дал нам ряд живых эпизодов деятельности Ломоносова как ученого и поэта. Затем перешел к поэтам пушкинской

поры. Ему хотелось поскорее перейти к Пушкину. Он разбирал с нами произведения Батюшкова, Жуковского, **Вяземского**, Языкова, Баратынского. В **Вяземском** оттенял остроумие, в Батюшкове, которого называл предтечей Пушкина, – стремление к чистоте русского языка. Отвлекаясь, доказал нам, что Пушкин писал в духе Жуковского, Батюшкова, **Вяземского** – характернее, чем они сами” [34, с. 815].

3. Внимание к лирике Вяземского проявилось и в поэзии Брюсова.

К циклу “Грядущему привет” (1909–1911) в сборнике “Зеркало теней” Брюсов взял эпиграф: “Грядущему привет надежды и любви. *Кн. П. Вяземский*” [12, т. 2, с. 78] – из стихотворения предшественника “Берлин (Барону Аполлону Петровичу Мальтицу)” (1859), – подчеркнув преемственность своих медитаций с метафизическими сетованиями Вяземского по умершим современникам: “Грядущему привет надежды и любви! / Но жатву ты его своею не зови. / В тени она еще на ниве Божьей зреет. / А что воздаст она? кто вычислить сумеет? / Но прежней жатвой дан насущный хлеб умам, / Минувшему почет и благодарность вам...” [35, с. 101–106].

Его вступительное стихотворение из цикла “Святое ремесло” “Поэт – музе” (1911) первой же строкой и последующей пессимистической интонацией коррелирует с памятной рефлексией Вяземского в год смерти А.С. Пушкина, ср.: “Я пережил и многое и многих...” (Вяземский. “Я пережил” [11, т. 4, с. 215]); “Я изменял и многому и многим...” (Брюсов). Указанное стихотворение Брюсова вошло в сборник “Зеркало теней” (1912). При этом поэт-символист щепетильно сообщил в примечании: «Автор считает долгом указать, что первый стих стихотворения... напоминает стих стихотворения кн. П.А. Вяземского “Я пережил и многое и многих”...» [12, т. 2, с. 409 (прим.)].

В стихотворении “Я в море не искал таинственных Утопий...” (1913), где Брюсов обозревает свои странствия с Музой по памятным для других русских поэтов местам, он пишет: “Как **Вяземский**, и я принес **поклон Олаю**, / И взморья Рижского я исходил пески...” [12, т. 3, с. 328]. Имеется в виду величественный, с одним из самых высоких шпилей в мире, собор в Ревеле (Таллине), названный так по имени святого Олая (Церковь св. Олафа, старорус. *Олай*, эст. *Oleviste kirik*, нем. *Olaikirche*), который Вяземский воспел в шуточном и метрически экстравагантном, подчеркивающим геометрию шпиля, стихотворении “Поручение в Ревель (Н.Н. Карамзину)” (1832) [11, т. 4, с. 177–179]: “Николай! / Как **Олай** / Заточит пред тобой, /

Поклонись ты ему, / Изувеченному / В поединке с грозой!” и т.д. При этом в письме к А.А. Шестеркиной 19 июня 1900 г. из Ревеля Брюсов рассуждал: “И вечером, когда застывают броненосцы на серебряном зеркале, когда уступчатый Ревель теряет все краски и остается одним очертанием, длинные фабричные трубы продолжают куриться, и дым пышно и широко расходится по здешнему небу, светлому до полуночи. Дым застилает 8-вековой **Олай** и древний до-готический храм св. Духа, дым властвует. Но и он пройдет, как прошли на этом побережье варяги, датчане, и шведы, и немцы. Пройдут, прейдут и древние церкви, прейдет море (на моих глазах его заволакивает песок). Когда не станет земли, останется небо. Но разве синее небо – вечность?” [1, с. 625].

К циклу лирических посвящений “**На памятном листке**” в сборнике “Семь цветов радуги” (1916) Брюсов подобрал два перекликающихся эпиграфа: “...жив у вас на памятном листке. *Кн. П.А. Вяземский*” и “...на памятном листке оставит мертвый след... *А. Пушкин*” [12, т. 2, с. 200], подчеркивающих преемственность поэтов золотого и серебряного веков. Первый эпиграф взят из стихотворения Вяземского “Альбом” (1826), заканчивающегося так: “Боясь в дверях бессмертья душевной давки, / Стремглав не рвусь к ступеням книжной лавки / И счастья жду в смиренном уголке¹⁴. / Пусть гордый свет меня купает в Лете, / Лишь был бы я у дружбы на примете / И жив у вас **на памятном листке**” [11, т. 3, с. 406–407]. Второй – из стихотворения Пушкина “Что в имени тебе моем” (1830), где есть строки: “Оно на памятном листке / Оставит мертвый след, подобный / Узору надписи надгробной / На непонятном языке”. Думается, что Брюсов с его памятью на стихи и филологическим анализом отчетливо осознавал вводимый им реминисцентный ряд¹⁵, в котором нашлось место и для его слова... Выявленная им перекличка Пушкина с Вяземским послужила одним из аргументов высказываний о ближайших предшественниках первого (см. выше).

4. В библиотеке писателя имелись почти все итоговые поэтические книги Вяземского [11]; [35]¹⁶ – и остались следы их внимательного прочтения (см.: [39]).

Несомненно, что Брюсов обращался к наследию Вяземского неоднократно и в разные годы, в том

числе по причине подготовки с женой – писательницей И.М. Брюсовой – антологии русских переводов французских авторов [40]¹⁷. Поэтому чрезвычайно интересно взглянуть на стихи Вяземского глазами “старшего символиста”, претендовавшего на место поэтического мэтра своего времени и отличавшегося эстетической бескомпромиссностью.

4.1. Первый поэтический сборник Вяземского вышел к 50-летию его творческой деятельности, когда поэту было уже 70 лет [35], – факт необычный для литературного быта.

Знакомясь с итоговой прижизненной книгой Вяземского, Брюсов оставил немало карандашных помет (вертикальные отчеркивания цветными карандашами ряда стихотворений, строф, строк; крестообразные знаки буквой “хер” (X), считываемые как неприятие отдельных лирических фрагментов; выделение простым карандашом заглавий произведений поэта в основном тексте и в оглавлении; более тонкие и конкретные филологические ремарки по существу прочитанного) [41]. Рассмотрим их в указанной последовательности.

Первые пометы Брюсова появляются при стихотворении Вяземского “Станция” (с. 11), где вертикальной чертой слева сначала красным, а затем, вероятно спустя какое-то время, синим карандашом выделены следующие начальные строки:

Досадно слышать: *Sta viator*¹⁸!
Иль, изъясняясь простей:
Извольте ждать, нет лошадей,
Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор
(Ему типун бы на язык!),
Сей речью ставит вас в тупик.
От этого-то русским трактом
Езда не слишком веселит;
Как едешь, действие кипит,
Приедешь: стынет за антрактом.
Да и скакать, – дожидься пути,
Заметить должно мне в прибавку,
Чтобы точней в журнал внести
Топографическую справку:
Дороги наши – сад для глаз,
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проезда нет подчас.

Подобные же вертикальные черты содержатся при стихотворении Вяземского “Русская луна” (1-я и 2-я строфы) из цикла “Зимние карикатуры” (с. 38) и стихотворении “Берлин (Барону Аполлону

¹⁴ Намек на лирику Горация; одновременно отзвук стихотворения К.Н. Батюшкова “Мои пенаты” (1812).

¹⁵ О перекличках поэзии Вяземского и Пушкина см., в частности: [36]; [37, с. 8–23]; [38].

¹⁶ В последнем по времени издании стихи поэта представлены в томах 3, 4, 11, 12.

¹⁷ В указанное издание переводы Вяземского, однако, не вошли; имя его не упоминается и в справочном аппарате книги.

¹⁸ “Стой, путник” (из лат. эпитафии).

Петровичу Мальгицу)» (3–4 строки), – но здесь уже слева и справа от текста, синим и красным карандашами, а также дополнительно простым карандашом под текстом (с. 101). Следовательно, Брюсову понравились, соответственно, следующие строфы и конкретные строки:

Русак, по истине сказать,
Не полуночник, не лунатик:
Не любит ночью наш флегматик
На звезды и луну зевать.

И если в лавках Музы Русской
Луной торгуют наподхват,
То разве, взятой напрокат,
Луной Немецкой, иль Французской.¹⁹

* * *

Фернгагена²⁰ уж нет, ни Гумбольдта²¹ в Берлине!
Давно ль их дружеским приемом на чужбине
Мог убедиться я, что, темный рядовой
Им чуждого полка, – и я им не чужой.²²

Особое внимание Брюсов обратил на стихотворение Вяземского «Александрейский стих» (1853)²³, в котором выделил одинарной вертикальной чертой (синим карандашом) весь текст на страницах 281–284 и двумя чертами – следующие строки (на с. 281 и заключительные):

В златой поэтов век, в блаженные года,
Отцы в подстрижке слов не ведали стыда,
Херасков и Княжнин, Петров и Богданович...

<... >

Все так! но, признаюсь, по рифме я грущу
И по опушке строк ее с тоской ищу.
Так дети в летний день, преследуя забавы,
Порхают весело тропинкой вдоль дубравы
И стережет и ждет их жадная рука
То красной ягодки, то пестрого цветка.
Так, признаюсь, мила мне рифма-побрякушка,
Детей до старости веселая игрушка.
Аукаться люблю я с нею в темноту,
Нечаянно ловить шалунью на лету
И по кайме стихов и с прихотью и с блеском
Ткань украшать свою игривым арабеском.
Мне белые стихи – что дева-красота,

¹⁹ Эти стихи могли привлечь Брюсова своим отрицательным рационалистическим пафосом в оценке романтической поэтики.

²⁰ К.-А. Фарнгаген фон Энзе (1785–1858), немецкий писатель, пропагандист русской литературы в Германии.

²¹ Подразумевается А. фон Гумбольдт (1769–1859), немецкий ученый-энциклопедист.

²² Подчеркнуты строки, отмеченные Брюсовым. Стихотворение датируется 1859 г.

²³ С эпиграфом из шуточной поэмы А.С. Пушкина «Домик в Коломне»: «А стих Александрейский?.. / Уж не его ль себе я залучу / <...>».

Которой не цветут улыбкою уста.

А может быть и то, что виноград мне кисел²⁴,
Что сроду я не мог сложить созвучных чисел
В гекзаметр правильный, – что, на мою беду,
Знать, к ямбу я прирос и с ямбом в гроб сойду.

Одной вертикальной чертой (синим карандашом) отмечены многие строки или целые строфы Вяземского в стихотворениях «Нарвский водопад» (с. 20–21), «Поручение в Ревель» (с. 22–24), «Ночь в Ревеле» (с. 25–28), «Очерки Москвы» (ч. III – с. 50), «Полтава» (с. 70–71), «Тройка» (с. 73–74), «Памяти живописца Орловского» (с. 82), «Босфор» (с. 90), «Палестина» (с. 94), «Масляница на чужой стороне» (с. 106–107), «Очерки Карлсбада» (ч. I, III) (с. 120, 122), «Рейн» (с. 145), «На берегу Леманского озера» (с. 150), «Леман» (с. 152), «Горы под снегом» (с. 157), «Дорогою в Шамуни» (с. 169), «Ницца» (с. 171), «Венеция» (с. 177–180), «Ночь в Венеции» (с. 181–182), «К Венеции» (с. 183), «Баркароллы» (ч. I) (с. 187), «Море» (с. 190), «Опять море» (с. 192), «Рим» (с. 199), «Эперне» (I) (с. 206), «Эперне» (ч. II) (с. 206–207), «Я пережил» (с. 226), «Горе» (с. 230), «Осень» (с. 233), «Зима» (с. 234–235), «Смерть» (с. 237), «Тропинка» (с. 265), «Петербургская ночь» (с. 274), «С наружности уж он не лыс ли?..» (с. 336), «Наружностью твоей спасется честь твоя...» (с. 338), «Американец и цыган» (с. 339), «Слово примирения» (с. 340–342).

С другой стороны, Брюсов использует и помету X (знак зачеркивания неудачных, по его мнению, строк или эстетического сомнения в чем-либо), например, в стихотворениях «Ночь в Ревеле» (с. 25–28) – в отношении 2-й строфы 1-й части («Разыгрался зверь косматой») и концовки 4-й строфы 3-й части («Заколдованное море, / Вдоволь нагляделось ты»); «Тройка» (с. 74) – по поводу строк «То вдали отбрякнет чисто, / То застонет глухо он»; «Рябина» (с. 165) – к строкам «Тобой, наш Русский виноград», «И я землячке милой рад»²⁵; «Дорогою в Шамуни» (с. 169) – напротив 3-го стиха первой строфы («С их отважной крутизны»); «Рим» (с. 199) – при строках «Тобой исписаны всемирные скрижали: / И человечества след каждый, каждый шаг»; «У страха глаза велики» (с. 287), где недоумение или неприятие Брюсова вызвала подчеркнутая им вычурная каламбурная рифма поэта, основанная на омонимии: «На цыпках выступает трус, / Как будто под ногами лава / Иль землю взбудоражил трус»²⁶.

²⁴ Аллюзия на басню И.А. Крылова «Лисица и виноград».

²⁵ С добавочным вертикальным выделением слева данного фрагмента произведения.

²⁶ Землетрясение (церк.-книжн. устар.) (см.: [26, т. 4, стб. 816].

Заглавия или порядковые номера отдельных стихотворений Вяземского подчеркнуты в основном тексте простым карандашом, что можно расшифровать как выделительные читательские пометы Брюсова, сделанные по каким-то конкретным, не всегда понятным соображениям: “Тройка” (с. 73), “Вечерняя звезда” (с. 127), “К венецианке” (с. 185), “Царица красоты” (с. 185), “Грусть” (с. 200), “Роза и кипарис” (с. 200), “Любить. Молиться. Петь” (с. 217), “Уныние” (с. 228), “К друзьям” (с. 241), “Тропинка” (с. 265), “К ней” (с. 277), “У страха глаза велики” (с. 287), “Год новый встретя с беспристрастьем...” (с. 295), “Иному жизнь — одна игрушка...” (с. 323), “Когда у нас возникнут пренья...” (с. 326), “Не жди себе от ближнего пособия...” (с. 333), “Дорожная отметка” (с. 334). “Красавицей она и умницей слывет...” (с. 339).

В ряде случаев видны графические расчеты Брюсовым использованных Вяземским размеров — при стихотворениях “Ночь на Босфоре” (с. 83), “Очарование” (с. 84), “Палестина” (с. 94); в последнем случае имеется и ремарка: “пеон 3-ст.”.

Встречаются несистемные, усложненные, комбинированные реакции Брюсова на элементы поэтики Вяземского — может быть, особенно интересные в плане его читательской реакции. Так, в стихотворении “Памяти живописца Орловского” при строках “Русским духом уж не пахнет / И ящик — уж не ящик” (с. 80) имеется оценочно-позитивная маргиналия в виде двух вертикальных черт и восклицательного знака, хотя одновременно подчеркнуты повторяющиеся слова “уж” — вероятно, как сигнал фонетического или стилистического неблагополучия в микроконтексте. В стихотворении “Горе” с правой стороны от первого катрена на уровне 3-й строки Брюсовым вписано слово “НЕ” (с. 230), относящееся к следующему фрагменту: “Радость, жизни гость случайный, / Промелькнет — и замер след, / Горе, на лицо²⁷, иль тайный, / А всегда наш домосед²⁸”. В стихотворении “У страха глаза велики” Брюсов подчеркнул карандашом следующие вербальные образы поэта: “Их <о людях, боящихся всего нового> блажь себя дурманом кормит / И тот один у них с умом, / Кто так себя захлороформит, / Чтоб жизнь оцепенела в нем”, “Муж благодущья, воли твердой / Равно умеет пренебречь / Пыл опрометчивости гордой / И робость, сей Дамоклов меч” (с. 288).

²⁷ Т.е. имеющийся в наличии, открытый для обозрения (совр. написание — *налицо*).

²⁸ Остается гадать, по каким соображениям была сделана эта брюсовская ремарка, поскольку мысль Вяземского выражена диалектично и ясно.

Особенно много подобных выделений при уже упомянутом стихотворении “Александрийский стих”, где Брюсов отмечает редкие в поэзии слова (*корпим*²⁹, *иоты*, *многоглагольствуют*), оригинальную рифму *кисел/чисел*, метафоры и *по опушке строк*, и *по кайме стихов*, с помощью которых поэт рассуждает о рифмах³⁰; отрицательно оценивает вычурную рифму *стихли/ стих ли*, поставив справа знак X; в строке “Гекзаметр древнего покроя обновил” обводит карандашом неудачное, по его мнению, скопление согласных звуков или, наоборот, звучную аллитерацию взрывных фонем и вибрантов; оставляет на полях заметки о ритмике стихотворения, выделяя спондеи или, в противовес им, пиррихии в строках *Их бросил, отдались мы чопорным французам; Он поместителен, гостеприимен тож; Улисса странствуешь и кормчий твой Омир; А может быть и то, что виноград мне кисел*; к последней из указанных строк Брюсов делает заметку: “пеон 3-ий”.

4.2. Знакомился Брюсов и с поэтическими томами “Полного собрания сочинений” Вяземского, дополняя свое представление о творчестве писателя.

Проследим систему брюсовских заметок на полях первого тома лирики Вяземского, охватывающего период 1808—1827 гг. [42]³¹. Том начинается с редакторского предисловия и оглавления. В последнем встречается ряд помет, сделанных Брюсовыми, в виде горизонтальных черточек с левой стороны от пронумерованного списка опубликованных произведений, — при стихотворениях “XXIII. Оправдание Вольтера”, “XXV. Песня (с франц.)”, “СХХ. К смерти (Подражание французскому)³²”, “СХХХIII. Невыгоды лета (с французского)”, “СХХХVII. Вакхическая песня. Перевод”, “СХСIII. Прелести деревни (С французского)”. В одном случае — при стихотворении “CLVI. Дар все делать невпопад (Из Рювьера)” (с. 284—285) брюсовская черточка дополняется вопросительным знаком, поставленным И.М. Брюсовой³³. Ею же

²⁹ Предлагаю свою замену этого разговорного прозаизма: *дрожим* (с. 282); ср. у Вяземского: “Над каждой буквой мы трясемся и корпим”.

³⁰ См. цитату выше.

³¹ Заметки сделаны простым карандашом. Имеются и пометы рукой И.М. Брюсовой, которые порой трудно дифференцировать от ремарок самого Брюсова.

³² Подзаголовок отсутствует в Оглавлении, но наличествует в основном тексте (с. 218), что наблюдается и в отношении большинства иных переводов Вяземского с французского, где это акцентировано в подзаголовках.

³³ Вопрос мог относиться именно к подзаголовку в основном тексте, так как имя французского поэта здесь напечатано или

начертан этот знак у стихотворения “ССІХ. Завещание Амура (Из Жуи)³⁴”, а также сделана помета “отмет<ить?>” при стихотворении “CLXXXVIII. Эпиграмма из Ж.-Б. Руссо”. Напрашивается предположение, что избирательное внимание именно к этим лирическим проявлениям Вяземского связано с его переводами и переложениями французской поэзии, что подтверждается, в частности, и соответствующей маркировкой произведения черточкой при стихотворении Вяземского “CLXXXVIII. Эпиграмма (Из Ж.-Б. Руссо)” сбоку от его названия в основном тексте тома (с. 330), сделанной, вероятно, рукой И.М. Брюсовой, а также наблюдениями над карандашными маргиналиями Брюсовых в четвертом томе сочинений Вяземского (см. ниже).

После Оглавления в третьем томе имеются специфические следы знакомства владельцев книги с творчеством Вяземского. В стихотворении “Русский пленник в стенах Парижа” (с. 91–93) в строфе “Где меч мой праздный, охладелый? / Где конь, в боях товарищ смелый, / Краса кавказских табунов? / <...>” при последней строке есть помета И.М. Брюсовой: “Пушк.” (с. 92), основанная на отдаленной метрико-синтаксической перекличке Вяземского с А.С. Пушкиным, ср., например: “Его [горца] богатство – конь ретивый, / Питомец горских табунов...” (“Кавказский пленник”). В третьем стихотворении из цикла “Песни” (с. 140–142) в строфе “Завтра, может быть, на пташку [sic!] / Хитрый сыщется ловец: / Муж сердитый на девицу – / И тогда всему конец” (с. 142) Брюсов профессионально точно уловил несоответствие выделенной словоформы безупречным рифмам в других катренах “песни” – и надписал сверху: “птицу”. В начале стихотворения Вяземского “В каких лесах, в какой долине...” (1819) Брюсов пометил: “Лерм.<онтов>” (с. 183), уловив какое-то сходство в поэтической интонации обоих³⁵. Более того, Брюсов обнаружил повторную публикацию стихотворения Вяземского “К воспоминанию”³⁶, заметив на полях: “раньше” (с. 356).

набрано неточно, на что обратил внимание еще библиограф сочинений Вяземского [43, с. 33, № 321]; см. также: [44, с. 89]. Имеется в виду К. де Рюльер (1735–1791), фр. писатель, историк, в начале 1760-х гг. находившийся в России в качестве секретаря посольства Франции.

³⁴ Ср. эксплицитный подзаголовок переводного стихотворения в основном тексте тома (с. 366), подразумевающий V.-J. Etienne de Jouy (1764–1846).

³⁵ О биографических и творческих контактах Вяземского и Лермонтова см. [45].

³⁶ См.: [11, т. 3, с. 319, 356] – варианты произведения, отличающиеся концовкой второй строфы: *Надежды немь предо мной! И Надежды нет предо мной!*

Внимательно ознакомился Брюсов и с четвертым томом “Полного собрания сочинений” Вяземского [46], сделав там пометы простым карандашом. Как и ранее, он выделил в Оглавлении горизонтальной черточкой с левой стороны переводы и переложения Вяземского с французского языка: “СCLXXX. Нравоучительные четверостишия. (Из Вольтера)”, “СCLXXXI. Эпиграммы. (Из Ж.-Б. Руссо)”³⁷; эта же помета имеется при указанных стихотворениях в основном тексте тома [11, т. 4, с. 67, 71].

В стихотворении “Простоволосая головка (Посвящается Пелагее Николаевне Всеволожской, урожденной Клушиной)” Брюсов отметил крестообразным знаком финальную строку портретного описания героини: “Все в ней так молодо, ты живо, / Так не похоже на других, / Так поэтически игриво, / Как Пушкина веселый стих” (с. 23). Обратил внимание на пространное стихотворение Вяземского “Волнение (Отрывок)” (с. 59–63), поставив справа от его названия вопросительный знак, предположительно относящийся к нелогичному подзаголовку, поскольку “отрывок” жанрово связывается с фрагментарностью, отрывочностью изложения. В стихотворении “Дорожная дума” (1830) слева от первой строки (“**Колокольчик однозвучный**, / Крик протяжный ямщика, / Зимней степи сумрак скучный, / Саван неба, облака! / <...>”) сделал помету “Пу”, вызванную, вероятно, памятью о пушкинском стихотворении “Зимняя дорога” (1826): “...По дороге **зимней**, скучной / Тройка борзая бежит, / **Колокольчик однозвучный** / Утомительно гремит...” – следовательно, отметив заимствование Вяземского³⁸. В стихотворении Вяземского “Цензор” Брюсов снова заметил отсутствующую рифму, подчеркнув двумя чертами концовку слова “*мастерство*” и поставив на полях акцентированный одинарным подчеркиванием знак вопроса (с. 95), ср.: «Когда Красовского отпряли Парки годы, / Того Красовского, который в жизни сам / Был Паркою ума и мыслей и свободы, / Побрел он на покой к Нелепости во храм. / “Кто ты?” – кричат ему привратники святыни. / “Яви, чем заслужил признательность богини? / Твой чин? Твой формуляр? Занятье? Мастерство?” / – Я при Голицыне был цензор! – молвил он. / И вдруг пред ним

³⁷ Подзаголовок в Оглавлении отсутствует, но наличествует в основном тексте. В составе “эпиграмм” три самостоятельных произведения о коммерциализации литературного процесса. Указание на французского автора могло быть мистификацией, ср. начало первой эпиграммы: “Сбираясь в путь, глупец под позолотой / (Не знаю где, а на Руси их нет)...” [11, т. 4, с. 71].

³⁸ Популярная песня “Однозвучно звучит колокольчик...”, приписываемая И. Макарову (1820–1852), безусловно, вторична по отношению к Пушкину и Вяземскому.

чета кладет земной поклон / И двери растворились сами!». В коллективном шутовском стихотворении «Поминание» («Надо помянуть, непременно помянуть надо...»), написанном Вяземским в соавторстве с А.С. Пушкиным и отчасти И.П. Мятлевым, Брюсов обратил внимание на ошибку при наборе второй и третьей строк (они объединены) на с. 169, выразив это вертикальной наклонной чертой справа и междометием ау — с намеком на заблудившуюся строку³⁹, ср. в тексте: «Уж как ты хочешь, надо помянуть: / **Графа нашего приятеля Велегорского (что не любит вина горского)** / А по нашему Велеурского, / Покойного пресвитера Самбурского...»⁴⁰. При этом в словоформе *пресвитера*, набранной в тексте с перевернутой буквой *e* (пресвѣтера), указанная графема-самозванка Брюсовым зачеркнута и на полях проставлена вертикальная черточка, которой обычно помечают орфографические ошибки. Заметил Брюсов и еще одну техническую ошибку — опечатку в первой строке стихотворения «Песнь в день юбилея графа Д.Н. Блудова»: «Наш бойкий век парѣт и пѣрит...» (с. 365) — в то время как правильно: «Наш бойкий век парѣт и парѣт...»; при этом он зачеркнул неверно напечатанную букву и надписал сверху *a*.

Итак, мы видим, что Брюсов вчитывался в стихи Вяземского не только как поэт, но и филолог, редактор, издатель. Лирика и писательская фигура Вяземского, может быть, не оставили яркого следа в лирическом творчестве Брюсова, но заметно отразились в его критике, эпистолярной, вузовских лекциях и представлениях о литературной преемственности в эпоху «золотого века» русской поэзии. Немалую роль в этом сыграло тесное общение Брюсова с П.И. Бартеневым, связующим звеном между двумя смежными эпохами отечественной словесности прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письма к А.А. Шестеркиной. 1900–1913 / Предисл. и публ. В.Г. Дмитриева // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. — М.: Наука, 1976. С. 622–656.
2. Лавров А.В. Брюсов Валерий Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. слов. Т. 1. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 333–338.
3. Письма Пушкина и к Пушкину: Новые материалы, собранные книгоиздательством «Скорпион» / Ред. и прим. В. Брюсова. — М.: Скорпион, 1903. 177 с.
4. Брюсов В.Я. Краткий курс науки о стихе. Ч. 1: Частная метрика и ритмика русского языка. — М.: Альциона, 1919. — 131 с.
5. Брюсов В.Я. Основы стиховедения: В 2 ч. — М.: ГИЗ, 1924. — 139 с.
6. Ашукин Н.С. Валерий Брюсов и Петр Иванович Бартенева. По неизданным материалам // Ашукин Н. Литературная мозаика: Очерки. Неизданные материалы. — М.: Московское товарищество писателей, [1931]. С. 144–194.
7. Молодяков В.Э. Валерий Брюсов: Биография. — СПб.: Вита Нова, 2010. — 672 с.
8. Валерий Брюсов — историк литературы: Переписка с П.И. Бартеневым и Н.О. Лернером / Изд. подгот. Н.А. Богомолов и А.В. Лавров. — М.: Литфакт, 2019. — 408 с.
9. Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. — 415 с.
10. Пуришева В. Библиотека Валерия Брюсова // Литературное наследство [Символисты]. Т. 27/28. — М.: Жур.-газ. объединение, 1937. С. 661–674.
11. Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878–1896.
12. Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худ. лит., 1973–1975.
13. Фришман Л.Г. В.Я. Брюсов — исследователь Е.А. Баратынского // Рус. литература. 1967. № 1. С. 181–184.
14. Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Изд. С.Д. Шереметева. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899–1913.
15. А.С. Пушкин. Труды и дни: Хронологические данные, собранные Н. Лернером. — М.: Скорпион, 1903. — 144 с.
16. Лернер Н. Еще о «Гаврилиаде» Пушкина // Бессарабские губернские ведомости. 1902. № 225. С. 2–3.
17. Брюсов В. Тютчев и князь Вяземский // Рус. архив. 1903. № 6. С. 289.
18. Вяземский П.А. За границею: Корректирные листы из стихотворений князя П.А. Вяземского. — Карлсруэ: В придворной типографии В. Гаспера, 1859. — 48 с.
19. Ильинский А. Литературное наследство Валерия Брюсова // Литературное наследство. Т. 27/28 [Символисты]. — М.: Журн.-газ. объединение, 1937. С. 457–504.
20. Письма А.С. Пушкина, барона А.А. Дельвига, Е.А. Баратынского и П.А. Плетнева к князю

³⁹ Ср. в стихотворении Вяземского «Александрейский стих»: «Так, признаюсь, мила мне рифма-побрякушка, / Детей до старости веселая игрушка. / Аукаться люблю я с нею в темноту...».

⁴⁰ Ср, однако, именно такое же воспроизведение текста в изд. [47, с. 246]. Между тем в собрании сочинений А.С. Пушкина данный фрагмент набран корректно: «...Графа нашего приятеля Велегорского / (Что не любит вина горского)...» (см., напр.: [48, т. 3, с. 410]).

- П.А. Вяземскому 1824–1843 годов (Из Остафьевского архива) / С прим. Н.П. Барсукова // Старица и Новизна. Кн. 5. – СПб.: Тип. М. Стасюлевица, 1902 С. 2–64.
21. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949.
  22. Р. Ш. [Шор Р.О.]. Envoi // Литературная энциклопедия: [В 11 т.]. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Луначарский. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. Стб. 75–76.
  23. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. – СПб.: Наука, 2004.– 739 с.
  24. Вяземский П.П. Александр Сергеевич Пушкин: 1816–1825 (По документам Остафьевского архива). – СПб.: Тип. П. Цитовича, [1880].– 78 с.
  25. Васильев Н.Л. “Чужое слово” в русской поэзии (Из заметок филолога) // Рус. словесность. 1997. № 5. С. 59–62.
  26. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
  27. Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М.: Задруга, 1914.– 416 с.
  28. Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым> / Предисл. и публ. Е.А. Кречетовой // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. – М.: Наука, 1976. С. 759–772.
  29. Розанов И.Н. Пушкин в поэзии его современников // Литературное наследство [А.С. Пушкин]. Т. 16/18. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 1025–1042.
  30. Васильев Н.Л. Д.Ю. Струйский (Трилунный): биография, творчество, библиография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010.– 284 с.
  31. Васильев Н.Л. А.С. Пушкин и Струйские: три луны русской поэзии в творческом сознании классика // Болдинские чтения. – Н. Новгород, 2004. С. 127–135.
  32. Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003.– 192 с.
  33. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Л.В. Дерюгиной. – М.: Искусство, 1984.– 458 с.
  34. Фефер В.В. Брюсов в “Школе поэтики” / Публ. А.М. Смирновой; предисл. и прим. И.Ф. Кунина // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. – М.: Наука, 1976. С. 779–826.
  35. В дороге и дома: Собрание стихотворений князя П.А. Вяземского / <Под ред. и с прим. М.Н. Лонгинова>. – М.: В тип. Бахметева, 1862.– 420 с.
  36. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Арзамасское “эхо” в поэзии П.А. Вяземского // Литературное общество “Арзамас”: история и современность. – Арзамас, Н. Новгород: ООО “Растр”, 2015. С. 84–91.
  37. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). – М.: Флинта; Наука, 2015.– 424 с.
  38. Васильев Н.Л. Князь Вяземский и “онегинский текст” Пушкина // Болдинские чтения 2016. – Арзамас: Изд-во Арзамас. филиала ННГУ, 2016. С. 101–116.
  39. НИОР РГБ. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Книги. Ед. хр. 213–215.
  40. Французские лирики XVIII века. Сборник переводов, составленный И. Брюсовой, под ред. и с предисловием В. Брюсова. – М.: Книгоиздательство К. Некрасова, 1914.– 330 с.
  41. НИОР РГБ. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Книги. Ед. хр. 213: Пометы и подчеркивания в кн. “В дороге и дома. Собрание стихотворений П.А. Вяземского”. – М., 1862.
  42. НИОР РГБ. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Книги. Ед. хр. 214: Пометы и подчеркивания в кн. “Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского”, т. III. – СПб., 1880.
  43. Пономарев С.И. Памяти князя П.А. Вяземского. – СПб.: тип. Академии наук, 1879.– 126 с.
  44. П.А. Вяземский: Неизвестный и забытый: (Из поэтического наследия) / Изд. подгот.: П.Р. Заборов и Д.М. Климова. – СПб.: Пушкинский Дом, 2013.– 624 с.
  45. Гиллельсон М.И. Вяземский Петр Андреевич // Лермонтовская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 97.
  46. НИОР РГБ. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Книги. Ед. хр. 215: Пометы и подчеркивания в кн. “Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского”, т. IV. – СПб., 1880.
  47. Вяземский П.А. Стихотворения / Сост., подгот. текста и прим. К.А. Кумпан. – Л.: Сов. писатель, 1986.– 544 с.
  48. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М.; Л.: Наука, 1949.

REFERENCES

1. *Pis'ma k A.A. Shesterkinoj. 1900–1913. Predisl. i publ. V.G. Dmitrieva* [Letters to A.A. Shesterkina. 1900–1913. Dmitriev, V.G. Ed.]. *Literaturnoe nasledstvo*. Tom 85: Valerij Bryusov [Literary Heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 622–656. (In Russ.)
2. Lavrov, A.V. *Bryusov Valery Yakovlevich. Russkie pisateli. 1800–1917: Biogr. slov.* [Bryusov Valery Yakovlevich. Russian Writers. 1800–1917: a Biographical

- Dictionary. Vol. 1]. Moscow, Sov. ehntsiklopediya Publ., 1989, pp. 333–338. (In Russ.)
3. *Pis'ma Pushkina i k Pushkinu: Novye materialy, sobrannye knigoizdatel'stvom "Skorpion" / Red. i prim. V. Bryusova* [Letters of Pushkin and to Pushkin: New Materials Collected by the Book Publishing House "Scorpion". Bryusov, V. Ed.]. Moscow, Skorpion Publ., 1903. 177 p. (In Russ.)
  4. Bryusov, V. Ya. *A Kratkij kurs nauki o stikhe. Ch. 1: Chastnaya metrika i ritmika russkogo yazyka* [A Short Course in the Science of Verse. Part 1: Private Metrics and Rhythmics of the Russian Language]. Moscow, Al'tsiona Publ., 1919. 131 p. (In Russ.)
  5. Bryusov, V. Ya. *Osnovy stikhovedeniya* [Basics of Poetry: In 2 parts]. Moscow, GIZ Publ., 1924. 139 p. (In Russ.)
  6. Ashukin N.S. *Valerij Bryusov i Petr Ivanovich Bartenev. Po neizdannym materialam* [Valery Bryusov and Peter Ivanovich Bartenev. On Unreleased Material]. Ashukin, N. *Literaturnaya mozaika: Oчерki. Neizdанные материалы* [Literary Mosaic: Essays. Unreleased Material]. Moscow, [1931], pp. 144–194. (In Russ.)
  7. Molodyakov, V.E. *Valerij Bryusov: Biografiya* [Valery Bryusov: Biography]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2010. 672 p. (In Russ.)
  8. *Valerij Bryusov – istorik literatury: Perepiska s P.I. Bartenevym i N.O. Lernerom* [Valery Bryusov – Literary Historian: Correspondence with P.I. Bartenev and N.O. Lerner]. N.A. Bogomolov, N.A., Lавrov, A.V. Ed.]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 408 p. (In Russ.)
  9. Bryusov V. Ya. *Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographical Prose. Letters. Ivanova, E.V. Ed.]. Moscow, OLMA-PRESS Zvezdnyj mir Publ., 2002. 415 p. (In Russ.)
  10. Purisheva V. *Biblioteka Valeriya Bryusova* [Library of Valery Bryusov]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage. Vol. 27/28]. Moscow, Zhurn.-gaz. obedinenie Publ., 1937, pp. 661–674. (In Russ.)
  11. Vyazemskij, P.A. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works in 12 Vols.]. St. Petersburg, Izdatelstvo M.M. Stasyulevicha Publ., 1878–1896. (In Russ.)
  12. Bryusov, V.Ya. *Sobr. soch.* [Collected Works in 7 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1973–1975. (In Russ.)
  13. Frizman, L.G. *V. Ya. Bryusov – issledovatel' E.A. Baratynskogo* [V. Ya. Bryusov – Researcher of E.A. Baratynsky]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1967, N 1, pp. 181–184. (In Russ.)
  14. *Ostaf'evskij arkhiv knyazej Vyazemskikh* [Ostafevsky Archive of the Princes Vyazemskys in 5 Vols. Sheremetev, S.D. Ed.]. St. Peterburg, Izdatelstvo M.M. Stasyulevich Publ., 1899–1913. (In Russ.)
  15. A.S. Pushkin. *Trudy i dni: Khronologicheskie dannye, sobrannye N. Lernerom* [A.S. Pushkin. Works and Days: Chronological Data Collected by N. Lerner]. Moscow, Skorpion Publ., 1903. 144 p. (In Russ.)
  16. Lerner, N. *Eshcho o "Gavriliade" Pushkina* [More about Pushkin's "Gavriliada"] *Bessarabskie gubernskie vedomosti* [Bessarabia Province Bulletin]. 1902, N 225, pp. 2–3. (In Russ.)
  17. Bryusov, V. *Tyutchev i knyaz' Vyazemskij* [Tyutchev and Prince Vyazemsky]. *Russkij arkhiv* [Russian Archive]. 1903, N 6, pp. 289. (In Russ.)
  18. Vyazemskij, P.A. *Za granitseyu: Korrekturnye listy iz stikhotvorenij knyazya P.A. Vyazemskogo* [Beyond the Border: Proof Sheets from the Poems of Prince P.A. Vyazemsky]. Karlsruhe, V pridvornoj tipografii V. Gaspera Publ., 1859. 48 p. (In Russ.)
  19. Il'inskij, A. *Literaturnoe nasledstvo Valeriya Bryusova* [Literary Legacy of Valery Bryusov] *Literaturnoe nasledstvo [Simvolisty]* [Literary Heritage. Vol. 27, 28. Symbolists]. Moscow, Zhurn.-gaz. obedinenie Publ., 1937, pp. 457–504. (In Russ.)
  20. *Pis'ma A. S. Pushkina, barona A. A. Del'viga, E.A. Baratynskogo i P.A. Pletneva k knyazyu P.A. Vyazemskomu 1824–1843 godov (Iz Ostaf'evskogo arkhiva)* [Letters of A.S. Pushkin, Baron A.A. Delvig, E.A. Baratynsky and P.A. Pletnev to Prince P.A. Vyazemsky of 1824–1843 (from Ostafevsky Archive). Barsukov, N.P. Ed.]. *Starina i Novizna*. [Antiquity and Novelty. Vol. 5]. St. Petersburg, Moscow, Izdatelstvo Stasyulevicha Publ., 1902, pp. 2–64. (In Russ.)
  21. Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works in 16 Vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1949. (In Russ.)
  22. R. Sh. [Shor, R.O.]. *Envoi. Literaturnaya entsiklopediya*: [Literary Encyclopedia in 11 Vols.]. Vol. 4. Lunacharskiy, A.V. Ed.]. Moscow, Kommunisticheskaja akademija Publ, 1930, columns 75–76. (In Russ.)
  23. Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works in 20 Vols. Vol. 2. Part. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 739 p. (In Russ.)
  24. Vyazemskij, P.P. *Aleksandr Sergeevich Pushkin: 1816–1825 (Po dokumentam Ostaf'evskogo arkhiva)* [Alexander Sergeevich Pushkin: 1816–1825 (According to the Documents of the Ostafiev Archive)]. St. Petersburg, Izdatelstvo P. Tsitovicha Publ., [1880]. 78 p. (In Russ.)
  25. Vasil'ev, N.L. *"Chuzhoe slovo" v russkoj poezii (Iz zametok filologa)* ["Another's Word" in Russian Poetry (from the Notes of the Philologist)]. *Rus. slovesnost'* [Russian Philology]. 1997, N5. pp. 59–62. (In Russ.)
  26. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language in 4 Vols. Ushakov, D.N. Ed.]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. Publ., 1935–1940. (In Russ.)
  27. Rozanov, I.N. *Russkaya lirika. Ot poezii bezlichnoj – k ispovedi serdtsa. Istoriko-literaturnye oчерki* [Russian Lyric Poetry. Poetry from the Impersonal to the

- Confession of the Heart. Historical and Literary Essays]. Moscow, Zadruga Publ., 1914. 416 p. (In Russ.)
28. Rozanov, I.N. <*Vstrechi s Bryusovym*> [Meetings with Bryusov. Krechetova, E.A. Ed.]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage. Vol. 85: Valerij Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 759–772. (In Russ.)
  29. Rozanov, I.N. *Pushkin v poezii ego sovremennikov* [Pushkin in the Poetry of his Contemporaries]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage. A.S. Pushkin. Vol. 16–18]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934, pp. 1025–1042. (In Russ.)
  30. Vasil'ev, N.L. *D. Yu. Strujskij (Trilunnyj): biografiya, tvorchestvo, bibliografiya* [D.Y. Struisky (Trilunnyj): Biography, Work, Bibliography]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2010. 284 p. (In Russ.)
  31. Vasil'ev, N.L. *A.S. Pushkin i Strujskie: tri lunny russkoj poezii v tvorcheskom soznanii klassika* [A.S. Pushkin and Struisky: Three Moons of Russian Poetry in the Creative Consciousness of the Classic]. *Boldinskie chteniya* [Boldino Conference]. Nizhny Novgorod, 2004, pp. 127–135. (In Russ.)
  32. Vasil'ev, N.L. *Zhizn' i deyaniya Nikolaya Strujskogo, rossijskogo dvoryanina, poeha i vernopoddannogo* [The Life and Work of Nicholas Strujskiy, a Russian Nobleman, Poet and Loyal]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 2003. 192 p. (In Russ.)
  33. Vyazemskij, P.A. *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism. Deryugina, L.V. Ed.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 458 p. (In Russ.)
  34. Fefer, V.V. *Bryusov v "Shkole poehtiki"* [Bryusov in "Poetics School". Smirnova, A.M.; Kunin L.F. Eds.]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage. Vol. 85: Valerij Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 779–826. (In Russ.)
  35. Vyazemskij, P.A. *V doroge i doma: Sobranie stikhotvorenij knyazya P.A. Vyazemskogo* [On the Road and at Home: Collection of Poems by Prince P.A. Vyazemsky. Longinov M.N. Ed.]. Moscow, V tip. Bakhmeteva Publ., 1862. 420 p. (In Russ.)
  36. Vasil'ev, N.L., Zhatkin, D.N. *Arzamasskoe "ehkho" v poezii P.A. Vyazemskogo* [Arzamas "Echo" in the Poetry of P.A. Vyazemsky]. *Literaturnoe obshhestvo "Arzamas": istoriya i sovremennost'* [Literary Society "Arzamas": History and Modernity]. Arzamas, Nizhnyj Novgorod, OOO "Rastr" Publ., 2015, pp. 84–91. (In Russ.)
  37. Vasil'ev, N.L., Zhatkin, D.N. *Slovar' poehticheskogo yazyka P.A. Vyazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshikhsya ego stikhotvorenij)* [Dictionary of Poetic Language of P.A. Vyazemsky (with the Application of Little-Known and Unpublished Poems)]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2015. 424 p. (In Russ.)
  38. Vasil'ev, N.L. *Knyaz' Vyazemskij i "oneginskij tekst" Pushkina* [Prince Vyazemsky and "Onegin text" by Pushkin]. *Boldinskie chteniya 2016* [Boldino Conference 2016]. Arzamas, Izd-vo Arzamasskogo filiala NNGU Publ., 2016, pp. 101–116. (In Russ.)
  39. *NIOR RGB* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386 (V.Ya. Bryusov)]. *Knigi* [Books]. N213–215. (In Russ.)
  40. *Frantsuzskie liriki XVIII veka. Sbornik perevodov* [French Lyrics of the 18th Century. Collection of Translations. Bryusova, I, Bryusov, V. Eds.]. Moscow, Knigoizdatel'stvo K. Nekrasova Publ., 1914. 330 p. (In Russ.)
  41. *NIOR RGB* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386 (V.Ya. Bryusov)]. *Knigi № 213: Pomety i podcherkivaniya v kn. "V doroge i doma. Sobranie stikhotvorenij P.A. Vyazemskogo"* [Books. N 213: Marks and Underscores in the Book "On the Road and at Home. Collection of Poems by P.A. Vyazemsky", Moscow, 1862]. (In Russ.)
  42. *NIOR RGB* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386 (V.Ya. Bryusov)]. *Knigi. № 214: Pomety i podcherkivaniya v kn. "Polnoe sobranie sochinenij knyazya P.A. Vyazemskogo", t. III, SPb., 1880* [Books. N 214: Marks and Underscores in the Book "The Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky", Vol. III, St. Petersburg, 1880]. (In Russ.)
  43. Ponomarev, S.I. *Pamyati knyazya P.A. Vyazemskogo* [In Memory of Prince P.A. Vyazemsky]. St. Petersburg, Izdatelstvo Akademii nauk Publ., 1879. 126 p. (In Russ.)
  44. *P.A. Vyazemskij: Neizvestnyj i zabytyj: (Iz poehticheskogo naslediya)* [P.A. Vyazemsky: Unknown and Forgotten: (from the Poetic Heritage). Zaborov, P.R., Klimova, D.M. Eds.]. St Petersburg. Pushkinskij Dom Publ., 2013. 624 p. (In Russ.)
  45. Gille'son, M.I. *Vyazemskij Petr Andreevich. Lermontovskaya ehntsiklopediya* [Vyazemskij Petr Andreevich. The Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Sov. ehntsiklopediya Publ., 1981, pp. 97. (In Russ.)
  46. *NIOR RGB* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 386 (V.Ya. Bryusov)]. *Knigi. № 215: Pomety i podcherkivaniya v kn. "Polnoe sobranie sochinenij knyazya P.A. Vyazemskogo", t. IV, SPb., 1880* [Books. N 215: Marks and Underscores in the Book "The Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky", Vol. IV, St. Petersburg, 1880]. (In Russ.)
  47. Vyazemskij, P.A. *Stikhotvoreniya* [Poems. Kumpan, K.A. Ed.]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1986. 544 p. (In Russ.)
  48. Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works in 10 Vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1949. (In Russ.)